

Ратникова Д.А.,

студент,

Самарский Государственный экономический институт

г. Самара, Россия

Научный руководитель: Устинова Г.Х.,

Ст. преподаватель

Самарский Государственный экономический институт

г. Самара, Россия

ТЕНЕВОЕ КРЕДИТОВАНИЕ И «ЧЕРНЫЕ» КРЕДИТОРЫ: КАК ЗАЩИТИТЬ ИНФРАСТРУКТУРУ ФИНАНСОВОГО РЫНКА?

***Аннотация:** В статье исследуется нелегальное («черное») кредитование и его разрушительное влияние на финансовую инфраструктуру. Проанализированы причины появления этого теневого сектора, связанные с ним системные риски и пробелы в надзоре. В итоге предложен комплекс мер (правовых и операционных) для выявления нелегальных кредиторов и защиты потребителей, который при этом не ограничивает доступ к легальным кредитам.*

***Ключевые слова:** теневое кредитование, черные кредиторы, финансовая инфраструктура, платежные системы, кредитный риск.*

***Abstract:** The article explores illegal ("black") lending and its destructive impact on financial infrastructure. The authors analyze the root causes of this shadow sector, its associated systemic risks, and regulatory gaps. Concluding, a comprehensive set of legal and operational measures is proposed to detect illegal lenders and protect consumers without restricting access to legitimate credit.*

***Keywords:** shadow banking, black lenders, financial infrastructure, payment systems, credit risk.*

Современная архитектура глобального и национального финансовых рынков находится в состоянии перманентной трансформации, обусловленной процессами масштабной цифровизации, усилением макроэкономической нестабильности, геополитическими шоками и регуляторными сдвигами. В этих сложных условиях особую остроту приобретает фундаментальная проблема обеспечения устойчивости и безопасности ключевых элементов финансовой инфраструктуры, выступающей основой для общественного воспроизводства и стабильного экономического роста [6]. Одним из наиболее деструктивных вызовов для национальной безопасности становится теневое кредитование. Оно представляет собой комплексную совокупность финансовых и квазифинансовых операций по предоставлению денежных средств на условиях возвратности, платности и срочности, осуществляемых субъектами, не имеющими легального статуса кредитной организации или микрофинансовой компании, и полностью или частично выведенных из-под пруденциального надзора государственных регуляторов [10].

Ключевые критерии: умышленный обход регистрации/лицензирования, сомнительное происхождение средств, неформальные (кабальные/фиктивные) договоры, отсутствие передачи данных в бюро кредитных историй. Выделение данных детерминант позволяет четко дифференцировать теневое кредитование от легальных форм финансового посредничества и разрабатывать таргетированные, селективные меры государственного воздействия [1]. Экономические триггеры и предпосылки возникновения и устойчивого воспроизводства теневого кредитования носят комплексный характер и тесно связаны со структурными дисбалансами в экономике, информационной асимметрией и сегментацией спроса на заемный капитал [14]. В условиях ужесточения макропруденциальных лимитов, роста процентных ставок и падения реальных располагаемых доходов значительная часть наименее защищенных домохозяйств и субъектов малого предпринимательства сталкивается с феноменом кредитного исключения

(credit exclusion), теряя доступ к классическим банковским продуктам [4]. Регуляторно-экономический вакуум заполняется нелегальными структурами, извлекающими арбитражную прибыль вследствие высокой маржинальности операций. При этом расширение теневых экономических контуров детерминировано социально-политическими и фискальными факторами. Как справедливо отмечают исследователи, причинами такого явления, как легализация денежных средств, полученных преступным путем, являются наличие тесной связи между политическими и деловыми группами, которые лоббируют интересы самообогащения за счет граждан; особенности ведения налоговой политики в стране, а именно высокая финансовая нагрузка на налогоплательщика, вынужденного скрывать реальные источники своих доходов, чтобы минимизировать налоговые издержки; доходы от преступной деятельности являются запрещенными, и злоумышленники легализуют денежные средства, чтобы пользоваться ими на законных основаниях; неустойчивая социально-экономическая или политическая ситуация в стране, что ставит под угрозу капитал и его сохранение [12]. Данные факторы не только усиливают мотивацию нелегальных операторов к наращиванию объемов теневого капитала, но и формируют устойчивый, неэластичный по цене спрос со стороны заемщиков, вынужденных минимизировать собственные транзакционные издержки и скрывать реальные доходы, что в конечном счете ведет к институционализации «серой» зоны финансового рынка [13].

Классификация «черных» кредиторов включает три типа: частные ростовщики, использующие собственный капитал; неформальные сети физических лиц в мессенджерах; и псевдофинансовые организации (однодневки, ломбарды), маскирующие займы под легальную деятельность. Их статус определяет способы правовой мимикрии и интеграции теневых доходов [2]. Традиционный андеррайтинг отсутствует: риски компенсируются ставками в сотни процентов годовых и жесткими штрафами. Для взыскания

долгов применяются психологическое давление, незаконное коллекторство, фиктивные залоги (оформление договоров купли-продажи имущества) и инициирование судебных разбирательств по поддельным распискам [8].

Оценка латентного финансового сектора базируется на сопоставлении макропоказателей Росстата и отраслевой статистики ЦБ РФ. Согласно данным Росстата, доля теневой экономики в России сохраняется на уровне 10–11% ВВП, что эквивалентно примерно 15–17 трлн рублей в текущих ценах [14]. Значительная часть этого объема обслуживается неформальными финансовыми потоками, которые формируют ресурсную базу для «черных» кредиторов. Статистика Банка России за период 2023–2024 гг. демонстрирует качественную трансформацию рынка нелегальных финансовых услуг [15]. Так, в 2023 году контролирующими органами было выявлено 1 884 нелегальных кредитора, в то время как в 2024 году этот показатель снизился на 18,7% и составил 1 531 единицу. При этом общее число выявленных субъектов нелегальной деятельности на финансовом рынке продемонстрировало резкий рост на 57% — с 5 735 субъектов в 2023 году до 9 027 в 2024 году. Данный разрыв и динамика свидетельствуют о выраженном «цифровом дрейфе» рынка: снижение количества выявленных физических офисов при резком увеличении онлайн-проектов подтверждает масштабный уход нелегального сегмента в интернет-мессенджеры и социальные сети. Это существенно усложняет классический мониторинг транзакций для традиционной банковской инфраструктуры. Общий рост инфраструктурного давления также подтверждается статистикой блокировок регулятора: количество заблокированных нелегальных интернет-ресурсов увеличилось на 29%, поднявшись с приблизительно 34 000 единиц в 2023 году до более чем 44 000 в 2024 году. Параллельно зафиксировано увеличение числа рекламных Telegram-каналов, продвигающих услуги незаконных займов, на 8,3% (с 1 200 до 1 300 каналов). Описанные процессы формируют критический риск лавинообразного накопления «невидимой» долговой нагрузки на население:

поскольку обнаруженные нелегальные кредиторы полностью выведены из правового поля и не передают сведения о заемщиках в бюро кредитных историй (БКИ), реальный уровень за кредитованности граждан оказывается существенно заниженным. Особую системную угрозу в 2024 году сформировало выявление 137 нелегальных ипотечных кредиторов, чья деятельность напрямую создает риски массовых дефолтов и потери жилья гражданами.

Высокий темп прироста блокировок интернет-ресурсов демонстрирует, что платежные системы и надзорные органы сегодня работают в режиме постоянного отражения распределенных атак со стороны неформальных p2p-сервисов. Эмпирический анализ указывает также на высокую региональную концентрацию активности «черных» кредиторов в крупных промышленных центрах, мегаполисах и депрессивных регионах с низкими доходами населения и дефицитом предложений легальных МФО. Поведенческий профиль участников теневого рынка демонстрирует четкую циклическую зависимость от фаз макроэкономического цикла: всплески активности нелегальных кредиторов и приток новых заемщиков фиксируются в периоды экономических рецессий, резких шоков ликвидности, ускорения инфляции и одновременного сжатия легального банковского предложения. Теневой кредит выступает специфическим «контрциклическим буфером», активизирующимся в периоды макроэкономической нестабильности, что требует от регулятора и банковского сектора незамедлительного внедрения систем антифрод-мониторинга нового поколения. Трансмиссионные механизмы рисков теневого кредитования носят скрытый характер и способны провоцировать масштабные сбои в расчетных системах [14]. Внебалансовые кредитные потоки нарушают планирование ликвидности: заемщики вынуждены направлять доходы на обслуживание скрытых долгов, что вызывает кассовые разрывы и задержки легальных платежей. Эти процессы протекают вне мониторинга банков, создавая эффект «невидимого рычага»

(invisible leverage) и дефицит ликвидности у расчетных агентов. В результате на межбанковском рынке резко повышается риск технических дефолтов в крупных платежных системах, что увеличивает потребность в экстренном рефинансировании со стороны центрального банка. Дефолт одного скрытого посредника запускает домино-эффект, вызывая резкий рост маржинальных требований клиринговых центров и заморозку лимитов легальных участников рынка, что требует пересмотра моделей управления рисками [3]. Данные факторы дестабилизируют балансы официальных банков. Скрытая долговая нагрузка клиентов ведет к неадекватной оценке их кредитоспособности, росту просрочки и увеличению доли неработающих ссуд (NPL) [5]. Это вынуждает банки форсированно формировать резервы, что напрямую снижает чистую прибыль, абсорбирует капитал и ухудшает нормативы его достаточности. В результате сужаются возможности кредитования реального сектора, падает ликвидность и удорожается межбанковское фондирование. Фрагментация полномочий между ЦБ, правоохранительными и налоговыми ведомствами размывает аналитику, лишая операторов платежных систем превентивного контроля [9]. Кабальные условия сделок и отсутствие правовой защиты вытесняют заемщиков из правового поля. Это провоцирует рост судебных споров, перегружает судебную систему и подрывает доверие населения к официальным финансовым институтам [8].

Нейтрализация этих системных рисков требует комплексной стратегии. Первоочередным шагом должна стать глубокая унификация юридических понятий и законодательное закрепление дефиниций теневого кредитования. Необходимо ужесточить нормативные требования к субъектам, предоставляющим займы или отсрочки платежей, внедрив обязательную регистрацию, требования к капиталу и раскрытию бенефициаров, а также модернизировать административное и уголовное законодательство для создания жесткой системы ответственности за незаконную кредитную деятельность. Вторым критически важным вектором выступает радикальное

совершенствование механизмов дистанционного надзора и раннего предупреждения. Эффективная идентификация операторов должна базироваться на внедрении динамической системы целевых индикаторов риска, позволяющих выявлять транзакционные аномалии и структурные дефекты платежной инфраструктуры в режиме реального времени. К таким индикаторам следует отнести сверхвысокую концентрацию транзакций по счетам отдельных физических лиц, нетипичный характер расчетных операций юридических лиц, быстрый немотивированный рост объемов выдачи денежных средств в изолированных региональных сегментах и явные несоответствия между официально декларируемыми доходами заемщиков и объемами обслуживаемых ими обязательств. Практическая реализация этой модели требует автоматизации процессов мониторинга платежных потоков на основе сквозного анализа данных, получаемых от крупнейших банков, платежных систем и цифровых агрегаторов [11]. Данный процесс должен сопровождаться жестко регламентированной, межинституциональной координацией между Банком России, Росфинмониторингом, Федеральной налоговой службой и правоохранительными органами, формализованной в виде специальных соглашений об оперативном обмене конфиденциальной информацией и совместном принятии обеспечительных мер, включая оперативную блокировку счетов подозрительных лиц до завершения официального расследования. Третий элемент защитного каркаса включает разработку и внедрение стандартных операционных протоколов для непосредственных участников рынка и формирование прозрачной методики оценки эффективности принимаемых мер. Операционные протоколы должны пошагово регламентировать действия банков и клиринговых центров при обнаружении признаков нелегальных кредитных схем, определяя единый порядок фиксации доказательной базы, алгоритмы приостановки дистанционного банковского обслуживания и механизмы взаимодействия со следственными органами. Информационный обмен в рамках этих протоколов

должен осуществляться по защищенным цифровым каналам с безусловным соблюдением законодательства о персональных данных и банковской тайне.

В свою очередь, методика оценки эффективности антитеневого политики должна интегрировать как количественные параметры (коэффициент выявляемости нелегальных структур, скорость транзакционной блокировки, объемы замороженных нелегальных активов, доля удовлетворенных жалоб граждан), так и качественные показатели, отражающие общий уровень доверия профессиональных участников рынка к стабильности платежной инфраструктуры. Мониторинг ключевых метрик требует непрерывности, регулярных независимых аудитов и обратной связи, обеспечивающих своевременную перекалибровку порогов риска при появлении новых технологических вызовов.

Подводя итог, можно сказать, теневое кредитование — это устойчивая, адаптивная модель, глубоко интегрированная в официальный финансовый сектор. Точечные меры здесь неэффективны, так как латентные риски теневого сегмента угрожают стабильности всей платежно-расчетной инфраструктуры. Нейтрализация этих угроз требует комплексной государственной стратегии: правовой унификации, автоматизированного надзора и жесткой координации ведомств. Это защитит права заемщиков, предотвратит системные шоки ликвидности и обеспечит развитие легального финансового рынка.

Использованные источники:

1. Болдырева И. А., Бородач Ю. В., Головкин В. Б. и др. Финансовый рынок и финансово-инвестиционная инфраструктура. Новосибирск: СибАК, 2015. 170 с.

2. Газзаев С. У., Караева Л. Х. Вопросы противодействия деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2 УК РФ) и привлечения к уголовной ответственности // Современная наука: актуальные

проблемы теории и практики. 2023. № 4. С. 101–104.

3. Грюнинг Х., Брайович Братанович С. Анализ банковских рисков: Система оценки корпоративного управления и управления финансовым риском. Москва: Весь мир, 2003. 271 с.

4. Дорофеев М. Л. Классификация методов и инструментов государственного финансового регулирования социально-экономического неравенства домохозяйств // Вестник университета. 2022. № 5. С. 193–202.

5. Ермоленко О. М. Организация управления кредитным риском в деятельности коммерческих банков как вектор стабилизации их деятельности // Научный вестник ЮИМ. 2016. № 3. С. 38–41.

6. Зенов С. В. Инфраструктура финансового рынка: место и роль в системе общественного воспроизводства (политэкономический подход) // Теоретическая экономика. 2023. № 4. С. 20–30.

7. Ким Н. В. Противодействие отмыванию доходов и финансированию терроризма как составная часть экономической безопасности Российской Федерации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2025. № 12. С. 551–559.

8. Кучковская Н. В. Правовые аспекты и механизмы защиты прав потребителей финансовых услуг // Вопросы российского и международного права. 2023. № 6. С. 237–243.

9. Маркина Е. В., Якушина Т. А. Эффективность внутреннего государственного финансового контроля // Вестник финансового университета. 2016. № 5. С. 73–77.

10. Михайлова М. А., Обычный А. В., Швандар К. В. Трансформация роли регуляторов financial рынка: постановка исследовательской задачи // Финансовый журнал. 2020. № 5. С. 15–29.

11. Наугольнова И. А., Туктарова Л. Р., Шерстобитова А. А. Эволюция финансового рынка в условиях цифровизации // Фундаментальные исследования. 2026. № 3. С. 14–18.

12. Путинцева Н. А., Корнев П. М., Соколовский В. В. и др.

Совершенствование государственного контроля в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2022. № 6. С. 1167–1187.

13. Симачев Ю. В., Федюнина А. А., Светова В. А. Россия под санкциями: теневая экономика – фактор гибкости? // ЭКО. 2023. № 10. С. 30–47.

14. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат). Раздел: Национальные счета. Понятие и оценка масштабов теневой экономики в РФ. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 19.05.2026).

15. Центральный банк Российской Федерации (Банк России). Результаты противодействия нелегальной деятельности на финансовом рынке в 2023–2024 гг.: Статистические данные и аналитическая интерпретация Департамента противодействия недобросовестным практикам. URL: <https://cbr.ru> (дата обращения: 19.05.2026).